

П. А. Попов,
Б. А. Фирсов
**ВОРОНЕЖ
ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ**

Память о прошлом немыслима без фотоснимков. В истории фотографии слились воедино человеческие увлечения, ремесла и искусство.

Мы должны отдать должное людям той профессии, благодаря которой сегодня удается зримо реконструировать старый быт. Лица наших предков и их наряды, облик старого города и уличная жизнь его обитателей — никакие документы не покажут лучше фотографий, как все это выглядело внешне. 2009-й год не зря провозгласили Годом воронежской фотографии: сейчас одновременно отмечаются и всемирная юбилейная дата, и юбилеи воронежских творческих фотообъединений: как современных обществ, так и дореволюционного.

Датой рождения фотографии считается 1839 год. 170 лет назад миру было оглашено замечательное открытие — получение прочного изображения с помощью световых лучей на серебряной пластинке, помещенной в камеру-обскуру. Это было достижение французов Жозефа Нисефора Ньепса и Луи Жака Манде Дагера, и по фамилии Дагера первые фотографии называли дагеротипами. В 1840-е годы в России появляются дагеротипные заведения, а в 1851-м англичанин Скотт Арчер обнародовал следующее важнейшее изобретение: он стал покрывать пластиинки коллоидной эмульсией — раствором с добавлением солей йода или брома, а затем погружал их в раствор азотокислого серебра, и эмульсия становилась чувствительной. Полученный негатив проявляли и закрепляли, затем печатали позитивы на бумаге. Коллоидный способ съемки позволил фотографам выйти из павильонов, были созданы дорожные камеры.

Заезжие фотографы появились в Воронеже уже в 1840-х годах, а постоянные — в начале 1850-х годов. Краевед Г. М. Веселовский свидетельствовал: «Первые постоянные мастерские принадлежали гг. Витту, Бровкину и Левдику. Особенно замечательна была мастерская последнего: кроме приготовления портретов по заказам, Левдик, вместе с своим компаньоном Тулиновым, имел намерение заняться снятием видов г. Воронежа... В 1865 году всех фотографий считалось в Воронеже 5, между ними лучшие: Гагена и Русинова... Цены, существовавшие на фотографические изделия, следующие: визитные карточки обыкновенные — за 1 дюжину 3 р. сер., за 1/2 дюжины 2 р. На белом фоне за 1 дюжину 4 р., за 1/2 дюжины 2 р. 50 к. Портреты от 2 до 5 р. Отделанные акварелью от 5 до 10 р.».

Здесь самый раз вспомнить о таком замечательном выходце из Воронежской губернии, как Михаил Борисович Тулинов. Это старший друг и учитель И. Н. Крамского, первым поддержавший в будущем художнике стремление к искусству, подаривший ему кисти и краски. Это соавтор знаменитого альбома «типов» населения Воронежской губернии, представленного историком Н. И. Второвым в Географическое общество. Наконец, это один из первых крупных фотографов Петербурга и Москвы, а по существу, и России. Его имя упоминается во всех книгах по истории русской фотографии.

Первоисточник — газета «Воронежские губернские ведомости» за 1856 год — сообщает, что «господин Тулинов — купец г. Острогожска, покинувший торговые занятия из любви к фотографии... Выучившись грамоте по псалтырю, он начал читать с жадностью все, что ни попадалось ему под руку... Заин-

тересовала его фотография, о которой случилось ему прочитать статейку в одном из периодических изданий... Он достал некоторые руководства к физике и принялся изучать эту науку, в особенности же статью о свете; сам устроил себе, по описаниям и рисункам, камеру-обскуру, для которой сам же вышифовал объектив из рюмочного дна. Само собою разумеется, что первые попытки его были очень неудачны; неудачи эти возбуждали насмешки, особенно со стороны его домашних, которые... не одобряли их, так как они отвлекали его от торговли... Наконец сила воли взяла верх: он достиг довольно удовлетворительных успехов, так что в Острогожске стали обращаться к нему с предложениями снимать портреты. Некоторые портреты выходили у него так удачно, что... даже превосходили произведения воронежских фотографов».

Михаил Тулинов переселяется в Воронеж, работая в заведении Витта, а в 1857 году — в Петербург. Там получает звание художника и продолжает заниматься светописью в различных фотоателье. Наконец, наш земляк открывает в Питере собственное заведение в товариществе с академиком Шетининым и художником Берестовым...

Несколько мастеров светописи обрели известность в Воронеже. Исконно воронежская мещанско-купеческая фамилия Русиновых упоминается еще в документах XVII века. Немаловажно, что уже тогда ее представители были людьми грамотными (редкость в средневековом городе). Живший в позапрошлом веке Николай Степанович Русинов происходил из мещан, возвысился до купца 2-й гильдии. Самородок, самоучка. Не получив школьного образования, самостоятельно изучил несколько языков. Писал музыку и переводил на русский тексты зарубежных музыкальных произведений. На первых порах компаньоном Н. С. Русинова по фотографии стал Михаил Иванович Пономарев. Этот партнер больше известен как художник, но в его жизни было и увлечение фотографией, приносившее ему хорошие доходы. В то время занятия портретной живописью и фотографией смыкались не случайно. Сначала Русинов и Пономарев устроили фотопалатку в саду, а в 1863 году приобрели фотостудию у Бровкина (тот уехал из Воронежа, так как, вероятно, увидел в них серьезных конкурентов). Эти два мастера держали свое заведение на Большой Дворянской — в доме А. В. Андроновой, сестры поэта А. В. Кольцова (тот самый дом, где раньше жил поэт, его современный адрес: пр. Революции, 46). В 1860—1870-е годы Русинов с Понома-

ревым представляли совместные фотографические работы на местных выставках.

Газета «Дон» писала: «Остановимся на образах наших фотографий: тут искусство действительно доведено до замечательного совершенства. Фотографические работы Русинова и Пономарева смело могут конкурировать с лучшими работами петербургских и московских фотографов... Посмотрите, какая борьба за превосходство у этих красавиц с той прелестной обстановкой, в какую ставят своих клиентов г.г. Русинов и Пономарев: тут Сильфиды и Маркизы, тут Офелии и Дездемоны. Но главное, тут Катерины, тут Софии, тут Татьяны. Не уступают этим женским типам и не менее прелестные и грандиозные типы мужчин: посмотрите на этого охотника с перекинутым через плечо ружьем, посмотрите на эту группу малороссов в чамаках... Величие воронежской мужской души так и бьет наружу в этих фотографических типах».

В 1875 году Н. С. Русинов устроил новое ателье на Б. Дворянской, имевшее специальную галерею для съемок при слабом осеннем и зимнем свете. Там же были открыты учебные курсы для ретушеров. Особенно примечательно, что Русинов создал единственную в его время коллекцию фотовидов Воронежа, и один экземпляр этого набора был поднесен государю Александру III во время его визита в наш город в 1887 году. Кроме того, Николай Степанович считался одним из старейших книгопродавцов Воронежа. Скончался он в 1892 году от рака... Интересно, что в современном городе живет и работает фотограф Юрий Русинов (долгое время он был корреспондентом газеты «Воронежский курьер»).

С 1876 года в Воронеже действовало фотозаведение ремесленника И. В. Киселёва, с 1883-го — рязанского крестьянина А. Е. Епифанова, с 1884-го — липецкого мещанина М. С. Финогенова. В 1894 году появилось ателье «придворного фотографа-художника» Р. Ю. Тиля и А. И. Серебрина.

Благодаря многим прекрасным фотоснимкам воронежские фотографы остались о себе добрую память. К 1911 году в городе работали восемь ателье, большинство из них — на главной улице. В альбомах наших бабушек и дедушек до сих пор хранятся портреты, выполненные заведениями И. А. Дамаскина, И. М. Ясвина, П. Г. Николаева, Я. Тираспольского, В. Егунова. Некоторым семьям повезло: во время жизненных коллизий и военных пожаров они умудрились сохранить очень старые снимки своих предков, выполненные в студии И. В. Киселёва в 1880 и 1890-е годы,

а не в начале ХХ века. Видно, Киселёв в свое время был очень популярен. Но особенно славилось в начале прошлого века мастерство Моисея Николаевича Селивёрстова, державшего популярное ателье в доме Бухоновых на Б. Дворянской. Многие его снимки, уцелевшие до наших дней, относятся не только к дореволюционному, но и послеоктябрьскому времени...

Первые фотографы: перед нами привычный образ человека, передвигающего на треноге громоздкий ящик-камеру и залезающий под черную шаль, чтобы в темноте вставить пластиинку-негатив в камеру, а затем еще и вспыхивающий магнием, если чудодейство происходит в слабоосвещенном павильоне. Сначала фотографии снимались с такими большими выдержками, что даже при солнечном свете не удавалось запечатлеть движущийся предмет. Самые ранние снимки с видами Воронежа, дошедшие до нас, относятся к 1860-м годам: Большая Дворянская с видом на театр и «ряд ампирных особняков», Большая Московская с видом на соляные амбары и Митрофанов монастырь, пейзаж с Чернавским мостом и острогом на Острожном бугре... Обратите внимание, что на улицах напрочь отсутствуют пешеходы и конные экипажи: из-за огромной выдержки — в несколько минут — люди успевали «размыться» до полной невидимости. Автор этих видов неизвестен, но можно предположить, что снимал их замечательный воронежец Н. С. Русинов.

А на открытках, выпущенных в конце XIX — начале XX века на основе фотопейзажей, воронежские улицы уже наполнены публикой, пролетками, вагончиками конки — фотография вышла на новый уровень. Правда, до революции в Воронеже не было сделано ни одного цветного фотоснимка; выпускали только цветные открытки, где черно-белые пейзажи раскрашивали перед отправкой в типографию.

В фотографическом процессе широко применялись соли золота, платины, редких металлов. В тонировании использовались цианиды и урановые растворители, ртутные компоненты. Все это свободно продавалось в аптечных магазинах.

Владельцы фотозаведений работали в условиях острой конкурентной борьбы, старались привлечь внимание качеством работ. В фотографии Тираспольского регулярно получали из-за границы декорации фона, аксессуары, модную матовую бумагу всевозможных оттенков. Срочные заказы исполнялись в 24 часа. Производилось «художественное

увеличение» портретов с любой карточки до натуральной величины.

Посетители ателье конца XIX — начала ХХ века выбирали подходящий антураж. Фотографы держали множество так называемых «художественных» задников, создающих фон: деревянные изгороди в сельском духе или городские пейзажи, покупали для съемок мебель и детские игрушки (особенно популярностью пользовались лошадки). Когда поначалу выдержка была непомерно большой, для неподвижности человека приходилось использовать специальное кресло с держателями для головы. Потом обычными стали изящные столики или тумбы, на которые облокачивались позирующие, и несколько кресел.

Часто люди испытывали испуг перед фотоаппаратом. Нередко даже на «поздних», предреволюционных, воронежских снимках можно увидеть напряжение человека, вынужденного долго сохранять неподвижность и не моргать.

Фотография быстро вошла в моду и стала непременным атрибутом гостиных, кабинетов, будуаров: десятки фотокарточек, целые коллекции, на паспарту или в рамках тесно заполняли стены и письменные столы. Фотографии делались нескольких размеров: «визитные» — размером с визитную карточку, для которых выпускались специальные альбомы; «кабинетные», размером 12 x 18 или 18 x 24, обычно ставившиеся на стол, и большие настенные.

Много внимания уделяли оформлению фотографий. Их наклеивали на паспарту, где на лицевой стороне было тисненое имя владельца фотоателье с адресом, а на обороте — пышные виньетки с названием ателье и изображением его наград. Во все времена была мода на иностранщину, и поэтому своеобразием старинных портретов до сих пор остаются витиеватые надписи на паспарту типа «Atelier M. Seliverstoff a Voronech». Труд фотографа в те годы считался высококвалифицированным и хорошо оплачивался. Да и стоимость фотографий была довольно высока.

После объявления о мобилизации в 1914 году фотографии заработали в усиленном режиме. Простой народ повалил туда валом, чтобы успеть запечатлеться перед войной. Хотя и уменьшилась выдержка при съемке, но профессионалы все равно тогда снимали только при дневном свете, и в павильонах, помешавшихся обычно на втором этаже, лестницы были заняты очередями. Фотографировались в большинстве случаев парами или семьями...

И. Киселевъ
ВЪ ВОРОНЕЖЪ

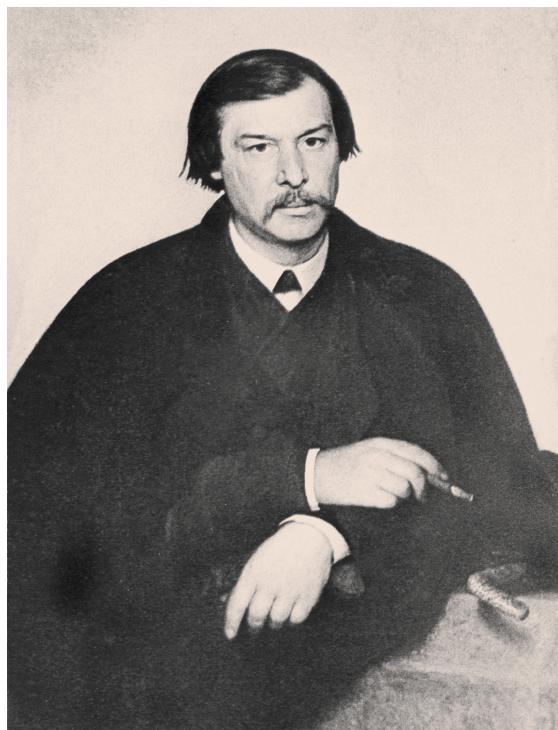
J. TYRASPOLSKI
PHOTOGRAPHE
... DE LA COOP
Léz. TARSOWNE, PETERSBURG, ODESSA, WILNO.

И. Киселев. Семейный портрет. Конец XIX века

Я. Тираспольский. Детский групповой портрет.
Начало XX века

И. Иванов. Девичий рынок. Конец 1920 — начало 1930-х годов

М. Б. Тулинов. Портрет работы И. Н. Крамского.
1860-е годы

Воронежский фотограф начала XX века
с павильонной камерой

СВЕТОПИСЬ

Выпуск первый.

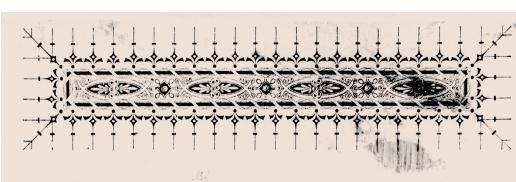
Орган Воронежского
Научно-Художественного
Фотографического общества.

Под редакцией Г. И. Фомина.

Фотография и революция.

Фотография широко вошла в обиход нашей жизни. Возьмем для примера дело народного образования. Можно ли себе представить учебник школы 1 ступени без иллюстраций, сделанных с фотографии? Может ли обойтись профессор, положим, медицинского факультета при чтении своих лекций без диапозитивов, изготовленных фотографическим путем? А рентгенография, микрофотография, кинематография, а иллюстрируемые тысячами фотографических снимков книги, журналы, еженедельники? А все новейшие завоевания в области промышленности, техники, искусства—могут ли они обойтись без фотографии? Нет, нет и нет.

Журнал «Светопись», первый выпуск. 1924 год

V. Черное покрывало.

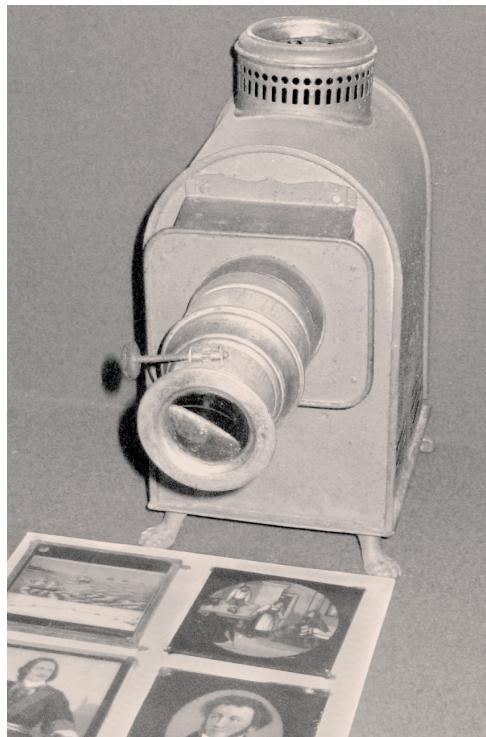
Как сказано выше черное покрывало (см. рис. 62), употребляется только для покрытия задней части камеры съ матовымъ стекломъ и головы наблюдателя для того (см. рис. 7), чтобы при затемненіи видѣѣ было различить на матовомъ стеклѣ правильность положенія и подробности изображенія, которыя видны только тогда, когда матовое стекло въ фокусѣ (сопряженномъ). А потому некоторые любители легко обходятся безъ специально заготовленного покрывала, прикрываясь пальто, надѣвтымъ не въ рукава, а нараспашку (см. рис. 24), надвигая его на голову и камеру. Но не всегда удобно избѣжать покрывала, а потому рекомендую его сѣѣть изъ черного малоскіна (называемаго иначе „чертовой кожею“) размѣрамъ въ ширину $1\frac{1}{2}$ —2 аршина и длиною въ 2— $2\frac{1}{2}$ аршина. Малоскінь дешевъ (25—35 коп. аршинъ), плотень, довольно свѣтлонепроницаемъ и относительно легокъ (это бумажная ткань шириной въ $\frac{3}{4}$ аршина, а потому его надо сшить въ 2—3 полотнища).

Но, разумѣется, покрывало можетъ быть замѣнено любымъ чернымъ платкомъ, каленкоромъ (который еще дешевле, но прозрачнѣе) и т. д.

Рис. 7. Черное покрывало.

Страница из пособия по фотографии. Начало XX века

Фильмоскоп с керосиновой лампой.
(экспозиция Областного краеведческого музея)

**ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ
МАГАЗИН**

С. ЛЕВИЯС.

Г. ВОРОНЕЖ.

Проспект Революции 34, —
Против башенных часов.

Имеется большой выбор фотографических аппаратов размера от $4\frac{1}{2} \times 6$ до 18×24 . Фотобумаги: бромистые, целлоидные и аристотипные. Все фотопродукты лучшего качества и по умеренным ценам.

Членам фотографического общества скидка.

ОПТИЧЕСКИЙ ТОВАР:
Бинокли, объективы, микроскопы. Большой выбор очков по рецептам врачей и без оных.

Предметы ухода за больными, перевязочные материалы, хирургические инструменты.

Электрические машинки, карманные фонари.

С. ЛЕВИЯС.
Проспект Революции 34, —
Против башенных часов.

Г. Воронеж.

Реклама фотоаппаратов в журнале «Светопись». 1924 год

Портативный фотоаппарат «Box-Tengor»
немецкого производства. 1920—1930-е годы.
(из частной коллекции)

В конце XIX — начале XX века было много сторонников любительской фотографии. В Воронеже ею занимались люди образованные, творческие. В это время появились портативные фотоаппараты, сравнительно доступные для публики среднего состояния.

105 лет назад, в 1904 году, в Воронеже возникло Научно-фотографическое общество (НФО), объединившее более 20 членов (позже их число возросло втрое). В общество вошли издатель газеты «Дон» Всееволод Григорьевич Веселовский, провизор и коммерсант Владимир Людвигович Мюфке, торговец Семен Михайлович Чериковер, профессиональный фотограф Моисей Николаевич Селивёрстов и другие воронежцы, тяготевшие к интеллигентному, духовному началу в жизни и быту. Среди них — инженеры, врачи, юристы, служащие государственных учреждений, банков и частных предприятий и даже один монах. И, конечно, владельцы аптекарских магазинов.

В. Л. Мюфке неслучайно стал «отцом» научно-фотографического общества, ибо его фирма открывала доступ к нужным химическим реактивам. На базе своего магазина, где продавались и специальные фототовары, Мюфке учредил совместно с мещанином С. М. Чериковером товарищество «В. Мюфке и К°», открывшееся в 1902 году. Одновременно Владимир торговал в магазине отца, известного провизора Л. И. Мюфке. После смерти же родителя (1908) перевел туда свои коммерческие дела, покинул Чериковера, но не прервал дружбу с ним на почве любви к фотографии.

Чериковер же продолжил коммерцию как совладелец магазина технических товаров и галантереи. Кроме того, он был приятелем артиста А. Л. Дурова и конструктором воздушоплавательных устройств, к которым артист питал большой интерес. Как фотограф и член НФО Семен Михайлович зарекомендовал себя в городе просветительской деятельностью: читал лекции, показывал «туманные картины».

Фирма Мюфке бесплатно предоставила обществу специально построенный павильон и лабораторию. Там проводили собрания, выступали с докладами о новинках светописи: о стереоскопии, цветной фотографии, гуммиарбиком печатании. Там же демонстрировали собственные диапозитивы и устраивали конкурсы, помешая снимки для просмотра на большом шите. Так, в 1916 году А. Ворожеин победил в конкурсе на лучший снимок лилий. Иногда слушали доклад кого-нибудь из опыт-

ных фотографов. Выдался замечательный вечер, когда Антония Успенская рассказывала о путешествии по Индии — как она ехала на верблюдах по степи около 700 верст, а потом плыла по реке — и иллюстрировала свое путешествие умело раскрашенными диапозитивами.

В 1914 году «Воронежский телеграф» писал, что из правления НФО выбыл В. Г. Веселовский (по-видимому, отличавшийся сложным характером, да к тому же враждовавший с редактором «Телеграфа» А. Н. Авериным). «Вновь избранное правление Воронежского фотографического общества организует для своих, в особенности новых членов, ряд бесед, лекций и чтений по фотографии... Вообще правление общества, избавившись от Веселовского, идет вперед без тормозов». Со своей стороны Веселовский дал в «Доне» отпор «Телеграфу»: «...Самое лучшее — преисбречь выходкой газеты и предать ее забвению».

Как бы то ни было, в предреволюционное время общество пополнилось новыми членами, благодаря чему обновилось его ядро, действовавшее и в советское время. Например, секретарем общества до революции избирался Александр Павлович Шукин, служивший телеграфистом на Ю.-В.ж.д.

Один из наиболее активных членов НФО Илья Маркелович Иванов родился под Воронежем, в селе Чертвицком, был железнодорожным служащим, вступил в общество в 1913 году.

Иванов вспоминал, что в молодости он выписывал журнал «Кодакист-любитель» с образцовыми снимками, сделанными камерой «Кодак». «С дружком Павликом читали мы разные статьи из практики и, вздыхая, мечтали, когда у нас будет фотоаппарат?» Такой момент настал. Илья Маркелов с другом пошли смотреть фотоаппарат к знакомому реалисту, жившему на Девицкой улице: «Он показал фотокамеру: железная коробка, размером 6 x 8 x 11 см, с одевающейся крышкой сзади, спереди объектив в никелированной оправе, с вращающимся сектором и тремя диафрагмами. Ни скорости затвора, ни шкалы относительного отверстия — соображай сам. Внутри аппарата каретка, на которой устанавливались шесть жестяных рамочек для пластинок 4,5 x 6 см. Коробочка была оклеена черным, под кожу, коленкором. Торговаться не пришлось: цена ему была 20 копеек».

Вместе с Ивановым к лучшим фотографам примкнул Георгий Ильич Фомин — уроженец Борисоглебска, выпускник Новохоперского

городского училища. До революции он был довольно известным и почти единственным фоторепортером в Воронеже. Сотрудничал с «Воронежским телеграфом» как хроникер, делал снимки для публикаций в газетах и книгах. Снимал события общественной жизни и потом отсыпал фотографии в столичную периодику — «Искру», «Русское слово». Увы, воронежские газеты почти не печатали снимков, делали это только в самых исключительных случаях, например в 1909 году, когда В. Е. Матыцын убил топором целую воронежскую семью, «Воронежский телеграф» поместил портрет преступника, фото топора и других вещественных доказательств. Но последующие номера «Телеграфа» были традиционно не иллюстрированы.

Известно, что Фомин снимал приезд в Воронеж Николая II и его семьи в 1914 году. По городу были расклеены объявления, в которых запрещалось во время проезда царских особ по улицам находиться на крышах строений, балконах, деревьях, у открытых окон, пользоваться биноклями и фотоаппаратами. Сам Фомин вспоминал об этом эпизоде: «У самого подъезда (вокзала) стояло несколько царских автомобилей. Ожидаем выхода царя и царицы с сыном... Они поедут к монастырю. Ко мне подходит министр внутренних дел Маклаков, спрашивает: "У вас есть разрешение на съемку?". Протягиваю разрешение губернатора. Прочитавши, говорит: "Этого недостаточно" — "Я поступил так, как было объявлено господином воронежским губернатором" — "Ну хорошо. А это аппарат?". Министр взял его, осмотрел со всех сторон и молча удалился. Я дождался выхода царской семьи и снял посадку в машину царицы. Царя не успел, так как зеркальные камеры того времени были снабжены отдельными кассетами для стеклянных пластинок и не обладали оперативностью. Между кадрами нужно было задвинуть на место крышку, вынуть снятую кассету и, заменив ее другой, выдвинуть крышку».

«Телеграф» поместил банальные портреты царской семьи — и никаких эпизодов поездки царя по нашему городу...

Благодаря НФО в объектив попали многие события, происходившие в городе и крае: это и закладка СХИ, и разрушение Круглых рядов, и открытие детского туберкулезного санатория. Многие сюжеты для съемок были найдены во время загородных экскурсий в Дивногорский монастырь, на станцию Графскую, в села Выкрестово и Гололобово. Общество тесно сотрудничало с земством, снаб-

жало фотоэкспонатами Губернский музей. Члены общества выступали с лекциями перед учителями земских школ. Весной 1914 года для ребят-экскурсантов из этих школ был издан путеводитель по Воронежу с иллюстрациями Фомина. В том же году НФО послало свои работы на выставки, проходившие в Симферополе, Туле и Тамбове и получило бронзовую медаль в Тамбове.

Во время Первой мировой войны были организованы передвижные выставки с участием воронежцев. В 1915 году работы из Воронежа побывали в Москве, Архангельске, Одессе; в 1917-м — в Тифлисе. Ни одна фотография обратно не вернулась, судьба снимков неизвестна...

После захвата власти большевиками общество лишилось поддержки прежних спонсоров. Но новые власти стали широко использовать фотографию в идеологических и культурно-просветительских целях. Опытных фотографов в то время еще было мало, их ценили. Сначала НФО влилось в состав фотосекции при художественно-просветительском подотделе Губоно, а после перерегистрации 1923 года было присоединено к Губернскому музею, под крышей которого нашла приют и фотолаборатория.

Члены общества отсняли празднование первой годовщины Октябрьской революции, а для управления Ю.-В.ж.д. сфотографировали разрушенные мосты. Для Губздравотдела изготавливали диапозитивы: эпидемии холеры, других болезней. По рассказам очевидцев, И. М. Иванов, рискуя жизнью, в 1919 году снял в Круглых рядах казнь большевиков белогвардейцами.

М. Н. Селивёрстов также оставался членом НФО после революции. Некоторые его работы (в частности, подлинные фотоотпечатки, запечатлевшие устройство улицы Бедноты в 1918 году) хранятся в современном краеведческом музее.

НФО готовило экспозицию кустарно-промышленного отдела музея. В объектив попали самоучки-художники, изобретатели, деревенские пророки, знахари...

В 1921 году общество продало «открытые письма» с видами Воронежа, а вырученные средства направило в фонд голодающих Поволжья. Тогда же началось издание научно-фотографического журнала «Светопись». Три года спустя издание журнала возобновилось под редакцией Фомина. Рубрики журнала отражали не только жизнь общества, но и роль фотографии в народном хозяйстве. Публиковались советы и рецепты, ответы на вопросы.

Ныне в Воронеже сохранился только номер журнала за 1924 год.

До 1925 года обществом руководил А. П. Ушин, потом его сменил педагог А. В. Княжев (с 1929 года — декан педфака ВГУ). К сожалению, вскоре строгая регламентация всех сфер жизни проникла и в фотографию. 6 мая 1926 года губисполком принял постановление, запрещавшее владельцам негативов самостоятельно распоряжаться ими. А всем кино- и фотоучреждениям предписывалось сообщать в губархивбюро о местах хранения негативов. За нарушение предусматривались штраф 25 руб. или «при-нудработы» до двух недель! Подавление общественной инициативы привело к закрытию общества. Точная дата его «кончины» в документах не отражена. В 1929 году общество успело отпразновать свой 25-летний юбилей (с докладом выступил В. Г. Веселовский). По-видимому, оно действовало до 1930 года, когда несколько его ведущих членов были арестованы как «антисоветчики» по «делу краеведов» и получили лагерные сроки. И.М. Иванова выслали в Северный край на три года. Возвратившись в Воронеж, он работал в краеведческом музее, там и поныне хранятся многие его негативы с видами города, сделанными еще до ареста, на рубеже 1920-х и 1930-х годов...

Старые фотографии имели в основном документальное значение; лучшими считались те, где были удачными свет, композиция, техника проявления негативов и печатания позитивов и так далее... Однако фотографии художественной, фотографии как искусства — почти не было. Искусством считали способность фотографа создать «художественный» фон для портрета, хорошо нарядить клиента, удачно показать его лицо (но не настроение). Близка к настоящему искусству оказалась портретная фотография, такая, как лучшие работы Пономарева с Русиновым, Киселёва, Селивёрстова. Однако в полный

голос художественная фотография заявила о себе только в советское время. С 1964 года и поныне при Доме культуры железнодорожников работает народный фотоклуб «Экспресс» — самое долговечное в нашем kraе творческое фотографическое объединение, отмечающее в этом году 45-летие. Он продолжает традиции дореволюционного общества, но его членами становятся не просто фотографы, а фотохудожники — и профессионалы, и любители. «Экспресс» объединяет несколько десятков человек и пользуется известностью далеко за пределами Воронежа и даже России. Такие его корифеи, как Евгений Хмелёвцев (уже покойный мастер, бывший председатель клуба), Михаил Вязовой, Николай Стребков, Борис Касаткин, Сергей Киселев продемонстрировали столь же большую преданность своему делу, как и пионер воронежской фотографии Михаил Тулинов. Сегодня в различных выставках и издании фотоальбомов активно участвуют также Сергей Смирнов, Павел Насонов, Сергей Миронов, Сергей Жданов, Александр и Константин Лопуховы (отец и сын) и другие члены клуба.

С 1999 года (опять юбилей — 10 лет) в Воронеже действует региональное отделение Союза фотохудожников России (13 членов), которое возглавляет Елена Чаплыгина. В него входят несколько «экспрессовцев», а также известные фотохудожники Андрей Архипов, Михаил Квасов, Андрей Пауков и другие.

Уже много лет фотодело, причем не только с репортерским, но и художественным уклоном, преподается на факультете фотожурналистики ВГУ. Основателем этого спецкурса был Михаил Вязовой.

Добавим еще к нашей истории творчество таких прекрасных современных фотомастеров, как фотохудожник Виталий Грасс, фотографы Михаил Рогозин и Владимир Лавров и поймем, что Воронеж — воистину фотографический город.

